

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2022 – 2023 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Дарья Серова

(род. в 2004)

МОДИЛЬЯНИ

Ежа звали Модильяни. Он лежал в бидоне из-под молока, толстый, сытый, икал и переваливался то на один бок, то на другой. Снаружи шёл бесшумный снег.

За полчаса до того Модильяни очнулся в бидоне. Остывающее молоко касалось его живота холодной лапой. Модильяни опустил мордочку и вылакал всё до дна. Молоко отдавало кислятиной.

Полковник нашёл Модильяни, когда выбрался из дома выносить мусор. Он вышел на крыльцо ранним утром понедельника, в то время, когда предрассветные сумерки прячут вдалеке, внизу холма, низкий город, сверкающий мелкими оконными глазками. Бидоны из-под молока ещё с вечера стояли у крыльца – дожидались приезда из города тётки-молочницы. Она появлялась по понедельникам за рулём здорового грузовика. В кузове грузовика гремела железная посуда. Молочница забирала пустые бидоны и выставляла новые, тяжёлые, как гири.

Пока полковник стоял на крыльце, пытаясь разделить замолчавший мир на свой забор и дворик, город у холма и дорогу, в одном из пустых бидонов завозилось и зашумело. Полковник тряхнул бидон вверх дном. Модильяни покатился по крылечным доскам, как снежок. Подобрал ежа, полковник отнёс его в дом и уложил на печку. Модильяни скоро оттаял, зашевелил лапками. На его иголках повис творожный налёт.

За печкой стоял большой глиняный горшок, где кисло с прошлой недели молоко. Полковник достал горшок, налил ежу остатки простокваши и отрезал кусочек круглого сыра, всего в дырках, как луна.

К полудню метель улеглась. Снег пошёл напрямую в землю, будто дождь. Полковник посадил Модильяни на плечо и вышел на крыльцо. Вдвоём они стояли и смотрели вверх.

– Смотри, – сказал полковник. – Это снежинки. Понимаешь?

Модильяни морщился – снежинки кололи ему мордочку.

На холм вскарабкался, громыхая, белый грузовик. Полковник понёс бидоны к калитке. Круглая молочница в фуфайке выпрыгнула из машины и побежала навстречу. На её руках висели четыре бидона, как дамские сумочки на вешалке.

– А это кто такой? – спросила она, обменявшись взглядом с Модильяни.

– Это ёж, – сказал полковник. – В бидон забрался. Не хочет зимой спать. Морозоустойчивый.

Молочница захохотала. Её длинные цыганские серьги ударились друг о друга и зазвенели звоном оркестровых тарелок.

– Тебе бы в люди выйти, – сказала она. – Даму сердца завести, что ли. А то уже с ежами возишься.

– Ёжик тоже человек. Да ещё какой. Божий.

– Ну, тебе оно, конечно, виднее, – согласилась молочница, залезая в грузовик и захлопывая за собой дверцу. Машина заворчала и скрылась за поворотом, спускаясь обратно к городу, едва видимому за снежной завесой и тучами.

Дома полковник вылил два бидона в глиняный горшок, включил радио и уселся греться рядом с печкой. Радио с помехами загудело старый романс про деревенскую глушь. Модильяни шлёпнулся на подоконник и чёрными глазами провожал колючие снежинки.

Полковник с ежом зажили душа в душу. За печкой зрела в пузатом горшке простокваша, и бидоны стояли рядком, как матрёшки, а на самой печке Модильяни устроили лежанку. На столике в изголовье деревянной кровати полковника стоял нарисованный портрет – маленькая вытянутая женщина, похожая на скалку.

Через три недели ёж впервые подал голос.

– Деда, – сказал он. – Смотри. Это ежинки. Понимаешь?

Полковник посмотрел на ежа, затем в окно, почесал затылок, хмыкнул и пробормотал:

– Ну, впрочем, да... Не поспоришь. Точно – ежинки.

Модильяни очень полюбилась полковникова простокваша. Он съедал из своего блюдечка больше самого полковника, а потом, сыто урча, как кастрюля с кипятком, валялся на печке – грел бока. От простокваши же у него стали отрастать уши. Они сделались размером с медали, которые висели у полковника над столом.

Модильяни с каждым днём всё менее и менее походил на ежа. То наестся до отвала, раскружится и прыгает, пружиня, как резиновый мячик. То отпустит короткий поросячий хвостик и ловит им мух и в рот себе складывает. То иголки втянет и ходит, колет себя изнутри.

Полковник, будучи молодым, служил как-то в тайге и там видел ежиную семейку. Они перебежали дорогу прямо перед его носом, а потом взлетели на дерево и запрыгали с ветки

на ветку, пока он лежал в канаве, поджидая чужих людей, идущих с востока. Полковнику на всю жизнь хватило этих двух минут, чтобы считать себя в меру осведомлённым о свойствах ежей.

– Деда, пересолена простокваша, – сказал Модильяни опять одним февральским утром, зевая. – Хорошая, но пересолена. Ты в молочницу влюбился?

– Да ты что, хороший мой, – растерялся полковник. – Ну, хочешь, я тебе каши сварю? А простокваша другая уже в горшке подходит, вот гляди. Разве ты не знаешь, что простоквашу не солят?

– Не знаю, – сказал Модильяни.

Однажды полковник задремал после сытного ужина, а проснувшись, не нашёл Модильяни, обычно самоваром сопевшего на своём месте на печке. В окна смотрели веснушчатые звёздочки. Полковник, как был в одной рубахе, выбежал на крыльцо.

Примораживало. Небо отливало внутренней стороной колодезного ведра, и посреди него сияла белёсая луна, вся в дырках, через которые просвечивала чернота. Одно облако, крошечное, в форме молочного бидона, плыло у горизонта, касаясь дном города, усевшегося у подножия холма. А над городом, будто нарочно не в ногу, шагали на фоне тёмного высокого неба огромные белые ежи. Их ноги, длинные, как шеи у жирафов, ступали между панельными зданиями, неся маленькие тела, похожие на пирожки. Ежи тысячами плыли вокруг холма, вокруг полковника и его дома, вырастая с одного конца города и растворяясь на другом его конце. Бесшумное шествие сопровождалось лишь гулким урчанием их голодных животов.

– Деда, – услышал полковник и обернулся. Модильяни сидел на крыше дома. Его покрытое иголками тело изогнулось, как кошачье, – он сложил лапки перед носом и уткнул в них мордочку. Длинные уши болтались на ветру. Полковник попробовал схватить Модильяни за них – за единственное, до чего он мог дотянуться. Но старые руки полковника тряслись и проходили будто сквозь уши.

– Деда, ты не грусти, – сказал Модильяни. – Я скоро уеду, но, знаешь, ты всё равно не грусти. А я постараюсь прислать тебе южных ежинок, как только их найду.

Он встал на цыпочки, вытянулся и мостом перекинулся с крыши домика в город, прямо под ноги планирующим на ходулях по безоблачному пространству ежам. Над головой полковника пролёг необъятный ежиный живот. Передними лапами Модильяни опёрся о крышу панельного здания и откусил ломтик лунного сырного диска.

Полковник закричал:

– Милый, но на юге не бывает ни снега, ни ежинок!

Модильяни поглядел на него, жуя мясистый кусочек луны. Тут откуда ни возьмись поднялась метель, заслонила город и степенно ступающих ежей. Порыв ветра закружил полковника, сквозняком вдул его в дом, уложил за печку. Полковник щекой прилёг на горшок с простоквашей и в мгновение заснул.

Наутро продолжало мести. Окна привычно застлало белым, и полковник, очнувшись от тяжкой вечерней дрёмы, вслушивался в вой ветра за порогом.

Позавтракав, полковник вышел за калитку. По холму вниз пролегли по белой пустыне двумя графитовыми линиями следы шин. У забора в ряд уже стояли бидоны, полные молока.

Он вернулся в дом и сел у окна. Радио шумело, бубня песенку о далёких краях.

Полковник протиснулся за печку, выставил горшок на стол, а из-за печки вынул старый чемодан. Сложив туда пару-другую кальсон, зубную щётку и радио, он укутался в пальто, вышел из дому и скрылся за стеной пурги.

2021

Василий Львов

(род. в 1989 г.)

ЁЛОЧКА

Чресполосной

чехардою,

часто-часто –

чёт и нечет –

пляшут-скачут,

влево-

вправо,

есть и

нету

– как фотоны –

по краям

деревья-древа

и слова – поленья в дровнях.

Вот дымок вдали, вот церковь

в синеву крестом упёрлась –

статна – просто доминанта!
гулливерша средь избёнок,
понатыканных искусно,
наобум, как гриб-пиррихий,
как опята на пенёчке.
За горами, за лесами,
за широкими морями,
за столетьями-веками
мимо хора труб фабричных
проезжаю пассажиром –
гостем еду в город Бостон.

Стук да стук – хореем бодрым
в сердце-наковальне звонко
смыки моста отдаются,
и сворачивает сердце,
и летит ему навстречу –
мужичку, который в дровнях
с кобылёнкой мохноногой
изумрудную невесту
к торжеству везёт Христову.

2020